

УДК 94(470)

Т.А. Шеметова

ЗАДАЧИ И ХАРАКТЕР ПОЛИТИКИ «НЕЙТРАЛИТЕТА» КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ СИНЬЦЗЯН В ОТНОШЕНИИ СОБЫТИЙ В РОССИИ В 1917–1920 гг.

На основе нового источникового материала автором были проанализированы причины провозглашения властями провинции политики «нейтралитета» в отношении событий в России в годы революции и Гражданской войны. Выявлены основные этапы проводимой политики, ее особенности и итоги.

Ключевые слова: Синьцзян, Россия, политика «нейтралитета».

Октябрьская революция 1917 г., социальные потрясения, связанные с Гражданской войной, и внутриполитические мероприятия большевистского правительства в первые годы его деятельности самым серьёзным образом отразились на взаимоотношениях Советской России, а затем Советского Союза с Китаем. Как отмечает в своей работе А.Д. Воскресенский, «революция 1917 г. в России ознаменовала эпоху изменений в отношениях» с Китаем» [1. С. 18]. Смена власти и затянувшийся период нестабильности внесли свои коррективы в торгово-экономические отношения России с крупнейшей китайской провинцией Синьцзян. Отмеченные обстоятельства дали властям этой провинции повод игнорировать права не только проживавших здесь многочисленных русских подданных, но и дипломатических представителей молодого советского государства, пытавшихся установить первые контакты. В частности, китайская сторона перестала соблюдать основные положения Петербургского договора 1881 г. и начала, вопреки им, взимать пошлины с российских торговцев за ввозимые и вывозимые товары.

Справедливости ради надо отметить, что и в Советской России также мало соблюдались прежние договоренности с Китаем. Так, в октябре 1917 г. в Семипалатинске произошла серия грабежей китайских купцов, а позже, на границе, в нарушение установленных договорами «правил провоза товаров», оставшиеся у них после грабежей товары были задержаны [2. С. 94–95]. В то же время нужно подчеркнуть, что нарушения в отношении деятельности китайских купцов на российской территории отмечались как со стороны представителей большевиков, так и белогвардейцев. В связи с этим, как пишет в своей работе известный исследователь В.А. Бармин, «китайцы долгое время колебались признать какую-либо власть за истинную» [3. С. 32]. Учитывая эти обстоятельства, а также явно опасаясь распространения на территории провинции идей большевизма, дучзюн (гу-

бернатор) Синьцзяна Ян Цзэнсинь после начала Гражданской войны в России провозгласил по отношению к противоборствующим там силам политику «нейтралитета». Некоторая нормализация отношений с Синьцзяном отметилась после заявления Советской России о своем отказе от колониальных договоров царской России со странами Востока и от всех прав и привилегий по этим соглашениям [4].

Анализ проводимой дучзюном политики «нейтралитета» позволяет говорить о ней как о явлении более сложном, чем принято это считать. В предлагаемой публикации, построенной на основе нового источникового материала, предпринята попытка рассмотреть более подробно причины провозглашения политики «нейтралитета», её основные периоды, практическую реализацию на разных этапах и ее последствия. В частности, корректируются некоторые выводы. Например, не столь однозначны утверждения относительно более благоприятного отношения властей провинции к большевикам по сравнению с их оппонентами – белогвардейцами. Заявив о «нейтралитете» в отношении событий в России, Ян Цзэнсинь на деле не отказался от сравнительно активных политических диалогов с представителями враждующих сторон. Осуществлялись и торговые операции в провинции как представителями советской власти, так и их противниками в лице Временного Сибирского, а затем колчаковского правительств. Отход от провозглашенной политики «нейтралитета» в отношении событий, происходящих в России, был отмечен по сути с момента ее объявления дучзюном провинции в 1917–1918 гг.

С одной стороны, несмотря на давление «английских, японских империалистов и консула императорской России» с целью привлечь Ян Цзэнсиня «...в ряды участников иностранной вооруженной интервенции в Советскую республику» и «заставить его послать войска в Россию, чтобы совместно с российскими белогвардейцами на-

пасть на советскую Красную Армию», Ян Цзэнсинь «мягко отклонил» это требование [5. Т. 3. С. 5]. Отказался дучзюн и от требования «допустить японские военные силы в размере одной дивизии и разместить их в Или и Чугучаке» для создания на этих территориях антисоветской базы [5. С. 6]. В то же время по его приказу была закрыта граница с Россией. Исключение было сделано, да и то, вероятно, под давлением Пекина, для бежавших от революционных событий жителей приграничных с Западным Китаем районов России. С другой стороны, даоини (правители. – *Т.Ш.*) некоторых округов, да и сам дучзюн, как отмечалось выше, продолжали осуществлять торговые операции с представителями противоборствующих сторон. Например, масштабы поставок по торговым операциям с представителями большевистского правительства были настолько значительны, что вынудили колчаковского посланника в Пекине «напомнить» Китайскому комиссару «о мерах блокады, принимаемых союзниками в целях изоляции Советской России», и указать ему на то, что «большевики в Туркестане находятся в привилегированном положении ввиду возможности снабжения и сообщения через границу Западного Китая» [6. Л. 72]. Торговля с оппонентами большевиков – белогвардейцами также имела внушительные размеры. Общая ценность товаров, поступающих на российский потребительский рынок, достигала миллионов оборотов. Только за 7 месяцев 1919 г. по итогам работы Зайсанской и Бахтинской таможен их совокупный доход составил 57634097 руб. [7. С. 228–231].

Подобные действия правителя Синьцзяна можно объяснить рядом причин. Во-первых, борьбой, которая развернулась в правящих кругах провинции по вопросу об экономической блокаде Советской России. Мнения по этой проблеме разделились: так, туземная торговая буржуазия (преимущественно уйгурская), вышедшая из-под опеки русского купечества в Синьцзяне, стремилась занять независимое положение и наладить собственные связи с РСФСР. Другая часть, представленная российской крупной торговой буржуазией, ранее занимавшей монопольное положение на рынках Синьцзяна и потерявшей его в 1917 г., боролась за продолжение блокады Советской России и расширение торговых связей с Англией и Японией [8. С. 335–336]. В сложившейся ситуации противоборства Ян Цзэнсиню приходилось лавировать, не забывая при этом и о собственных интересах. Второй причиной, по мнению китайских исследователей, стала ситуация, сложившаяся в ходе Гражданской войны, проанализировав кото-

рую, Ян Цзэнсинь пришел к выводу о том, что императорская Россия «непрерывно потерпит поражение», и если поддерживать белогвардейцев, то это будет означать «помогать старшему брату и идти против младшего брата». Кроме того, дучзюн сильно опасался, что поддержка только императорской России обернется для Синьцзяна волной бедствий и приведет к неуправляемой ситуации, «хотя сил белых для сопротивления Советской России явно недостаточно, порядок в Синьцзяне будет в корне нарушен» [9. С. 6].

Возвращаясь к вопросу о мотивах отношения губернатора Синьцзяна к ситуации в России, следует отметить слабость вооруженных сил провинции в рассматриваемый период. На это указывали и советские и китайские исследователи. В частности, авторы «Краткой истории Синьцзяна» отмечали: «Ян отказался выдвинуть войска в Россию потому, что, с одной стороны, он отстаивал нейтралитет во внешних сношениях, с другой... вообще не имел возможности отправить войска в поддержку белых. В то время общая численность провинциальной армии не достигала и десяти тысяч человек, а вооруженные силы были так слабы, что не стоило и говорить, что при всем желании они не в силах были противостоять многочисленной и сильной советской Красной Армии и даже потерпевшим поражение белогвардейским шайкам» [9. С. 6]. Данный факт подтверждается документами из российских архивов.

Состояние боеготовности китайских войск в провинции достаточно хорошо характеризует в своем письме консул в Урумчи А. Дьяков, направленном коллеге в Кульджу. Он отмечает, что «китайские войска в Синьцзянской провинции стоят ниже всякой критики, это не войска, а какая-то шваль... это войска недисциплинированные, неученые, плохо одетые, плохо питаемые и непригодные для оперативных действий против русских войск, каковыми являются большевики, бывшие в большинстве фронтовыми солдатами, боровшимися не против каких-либо китайцев или дунган, а против немцев» [10. Л. 14, 31].

Вооружение китайских войск также оставляло желать лучшего. Кроме того, как совершенно справедливо отмечает А. Дьяков, у них не было опыта боевых действий с регулярными воинскими частями, имевшими фронтовой опыт, а именно таковыми были как белогвардейские, так и большевистские силы. Помимо прочих веских причин, о посылке войск в Россию властям Западного Китая не позволяло думать и отсутствие денег в казне. Хотя, вне всякого сомнения, это обстоятельство не было решающим. Представляется, что весо-

мой политической причиной, мешавшей Ян Цзэн-синю выступить против большевиков, являлось отсутствие поддержки союзников (как, например, это было на Дальнем Востоке). Нерешительность политики дучзюна была в какой-то части обусловлена и его «страхом перед репрессиями большевиков над проживающими в Российском Туркестане китайцами» [10. Л. 14]. И, наконец, одним из мотивов осторожной политики в отношении России было желание не допустить вторжения на территорию провинции большевистских войск. Следует отметить, что власти провинции серьезно воспринимали угрозу вторжения вооруженных сил большевиков. Несмотря на то, что советские власти старались не обострять отношений с Синьцзяном и принимали меры «к мирной ликвидации» возникавших конфликтов [11. Л. 31, 70]. Особенно это стало заметно в 1919 г. после обострения Гражданской войны в районах Средней Азии и перехода на территорию Синьцзяна белогвардейских войск. Как отмечал в агентурной сводке по Китаю начальник разведотдела Туркфронта Немиров, «отношение китайских властей к Советской России лояльное, но не искреннее. Вследствие своей отрезанности от остального Китая боятся России» [11. Л. 1]. По агентурным данным, составленным информационным отделом Реввоенсовета Туркфронта, китайцы к концу октября 1919 г. на границе с Россией в Кульджинском округе почти в 2 раза увеличили количество пограничных постов. Агенты большевиков сообщали, что «в Урумчах китайских войск почти не осталось – все они выдвинуты в Приилийский край» [11. Л. 4–6].

Неоднозначно складывались отношения властей провинции и с противниками большевиков – белогвардейцами, имевшими на первом этапе политики «нейтралитета» перевес в вооруженных силах, как в количественном, так и в качественном плане. Кроме того, они имели определенную поддержку союзников, в том числе и китайских властей. В этой непростой для китайских властей Синьцзяна ситуации дучзюну приходилось лавировать. Этим частично можно объяснить двусмысленность позиции руководства провинции по отношению как к большевикам, так и белогвардейцам. Подобное поведение вызывало их критику в адрес Ян Цзэнсяня. Обе стороны необосновательно обвиняли его в проявлении симпатий к противнику и неопределенности позиции, особенно в 1919 г., когда явного перевеса в ходе Гражданской войны ни у одной из противоборствующих сторон еще не было. Например, дучзюн в мае 1919 г. дал согласие отправить на фронт воинские соединения из «таранчей, формируемые здесь (в

Кульдже. – *Т. III.*) представителем атамана Анненкова» [12. Л. 69]. В результате начавшихся тренировок в конце 1919 г. таранчи отказались служить в белой армии. Тогда казаки попросили власти провинции «прибегнуть к мобилизации» и развесили объявления. Китайские власти, «узнав об этом, строго запретили вывешивать подобные объявления», указав казакам, что «они...находятся на чужой территории» [13. Л. 4]. По агентурным сведениям за ноябрь 1919 г., составленным информационным отделом Реввоенсовета Туркфронта «белые намеревались вырваться из-за границы на Джаркент, но китайцы воспротивились этому, однако они ничего не имели, если бы белые прошли границу близ Кольджата. Вообще заметно проявлялись симпатии китайцев к белым» [13. Л. 4]. Но уже в конце 1919-го и начале 1920 г. начальник разведотдела Турквойск Кувшинов заявлял: «...В последнее время, по агентурным сведениям, эти отношения изменились не в пользу белогвардейцев. Имеются сведения, что отходящие в китайские пределы белогвардейские банды обезоруживаются» [13. Л. 21]. Об изменении курса в отношении белогвардейцев в этот период говорят и китайские исследователи. Они отмечают, что Ян Цзэнсянь издал «строгий запрет проходить (белогвардейцам. – *Т. III.*) через заставы», если остановиться не получится, то «согласно публичному праву необходимо изъять их оружие» [14. С. 8]. Примеров отступлений и двойственности в проведении политики «нейтралитета» достаточно много. Свидетельства этого можно найти и в большевистских и белогвардейских документах. Это обстоятельство делает понятным, почему, например, несмотря на многочисленные предложения Советской России восстановить внешнеторговые связи, они «наталкивались на упорный отказ Ян Цзэнсяня», но в то же время неофициальные торговые отношения, как уже отмечалось, не прекращались [15. С. 104].

Таким образом, многочисленные и разные по форме отступления от формально провозглашенной политики «нейтралитета» позволили Синьцзяну остаться в стороне от крупномасштабных военных действий и продолжать торговые операции с Россией, причем с обеими противоборствующими сторонами. Благодаря этому губернатор и правительство провинции получили возможность сохранять определенную социальную стабильность в обществе, пополнять казну, поддерживать и без того слабую экономику Советской России, особенно населению приграничных территорий, отрезанных от центра, контролируемых в отдельные периоды как большевиками, так и белогвардейцами, это давало возможность получать

продовольствие и промышленные товары. В целом политику «нейтралитета» можно разделить на три периода исходя из деятельности дучжюна в отношении противоборствующих сил в Советской России. На начальном этапе в 1917-м до весны 1919 г. отмечается «ровное» отношение как к большевикам, так и их противникам – белогвардейцам. С весны и до конца 1919 г. симпатии дучжюна были на стороне белогвардейцев. И только на последнем этапе политики «нейтралитета» в конце 1919 – начале 1920 г. он определился в приоритетах в отношении противоборствующих сил в России в пользу большевиков. Поэтому утверждения о более благоприятном отношении к большевикам по сравнению с белогвардейцами можно отнести только к завершающему этапу рассматриваемого периода. В дальнейшем процесс восстановления политических и торгово-экономических отношений сторон также проходил весьма сложно и завершился только к середине 1920-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вознесенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999.

2. *Историко-архивные материалы о торгово-экономических отношениях Синьцзяна с Россией и Советским Союзом 1896–1949.* Урумчи, 1994. (кит. яз.).

3. *Бармин В.А.* СССР и Синьцзян. 1918–1941 гг. (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1998.

4. *Известия.* 1917. 5 дек.

5. *Краткая история Синьцзяна.* Урумчи, 1994. Т. 3. (кит. яз.)

6. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).* Ф. 200. Оп. 1 Д. 322. Л. 72.

7. *Шеметова Т.А.* Торгово-экономические отношения Сибирского временного и Омского колчаковского правительства с китайской провинцией Синьцзян в 1918–1919 гг. // *Актуальные вопросы истории Сибири.* Барнаул, 2005.

8. *Шеметова Т.А.* Установление торгово-экономических и политических отношений советской России с китайской провинцией Синьцзян в 1917–1920 гг. // *Россия, Сибирь и Центральная Азия: Взаимодействие народов и культур.* Барнаул, 2003.

9. *ГАРФ.* Ф. 200. Оп. 1. Д. 450.

10. *Российский государственный военный архив (РГВА).* Ф. 1111. Оп. 3. Д. 141.

11. *ГАРФ.* Ф. 200. Оп. 1. Д. 322.

12. *РГВА.* Ф. 110. Оп. 7. Д. 31.

13. *Краткая история Синьцзяна.* Урумчи, 1994. Т. 3.

14. *Галенович Ю.М.* «Белые пятна» и «Болевые точки» в истории советско-китайских отношений. М., 1992. Т. 1.